

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

МОСКВА

ПОГРЕБЕНИЕ VI–VII ВЕКОВ Н.Э. У СЕЛА МОХНАЧ

Общепризнано, что погребальному обряду как консервативному и часто этноопределяющему фактору принадлежит важная роль в изучении той или иной археологической культуры. Но зачастую как могильники, так и одиночные погребения ряда культур представлены немногочисленными памятниками, что затрудняет решение целого круга вопросов. Подобная ситуация характерна и для территории лесостепной полосы Юго-Восточной Европы в V – начале VIII в. н.э. Погребения этого времени в указанном районе составляют довольно редкую категорию памятников и в подавляющем случае представлены трупосожжениями, связанными с пеньковской культурой (Приходнюк О.М., 1980, с. 28). Погребения по обряду ингумации с вещами пеньковского облика большинство исследователей упоминает при характеристике погребального обряда пеньковской культуры лишь вскользь, объясняя их появление контактами с кочевническим миром (Приходнюк О.М., 1980, с. 77; Славяне..., 1989, с. 227), или просто игнорирует. Тем больший интерес представляет погребальный комплекс, обнаруженный возле с. Мохнач Змиевского р-на Харьковской обл., введению в научный оборот которого посвящена настоящая работа.

16 августа 1996 г. в Харьковский Исторический музей (ХИМ) поступило сообщение от Л.В. Федотовой, что на ее дачном участке при рытье погреба были обнаружены человеческие кости, бусы, бронзовые украшения. На следующий день на место находки выехали сотрудники Отдела археологии и Сектора охраны памятников археологии ХИМ, которые произвели подробный осмотр места находки и опросили хозяйку участка¹. Разрушенное погребение расположено на краю плато правого коренного берега р. Северный Донец в 2 км к югу от с. Мохнач. При зачистке стенок и dna ямы, вырытой под погреб, удалось частично проследить остатки погребального сооружения, что позволяет восстановить его конструкцию. Каких-либо признаков надмогильного сооружения проследить не удалось, но говорить о бескурганном характере захоронения с полной уверенностью нельзя, ибо земля, отведенная под садоводческое товарищество, в недавнем прошлом подвергалась интенсивной распашке.

Захоронение было совершено в грунтовой яме с подбоем (рис. 1, 1). Входной колодец, форму и размеры которого установить не удалось, имел несколько ступенек, на что указывает его сложный профиль, зафиксированный в юго-восточной стенке ямы (рис. 1, 2). Подбой примыкал ко входному колодцу с северо-западной стороны и был ориентирован, как, вероятно, и сам колодец, почти строго по линии северо-восток – юго-запад. Дно входного колодца фиксировалось на глубине 2,55 м от современной поверхности почвы и полого спускалось к подбою, дно которого находилось на глубине 2,7 м. Подбой был отделен от входного колодца деревянным закладом, остатки которого в виде древесного тлена удалось зафиксировать при зачистке стенки ямы. Подбой предположительно имел следующие размеры (м): длина 1,9–2,0, ширина 0,9–1,1, высота 0,6–0,7. По сообщению хозяйки участка, костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Большинство вещей было найдено в районе черепа, грудной клетки и пояса, но более точное их место расположения рабочие указать не смогли.

¹ Какие-либо земляные работы отрядом не проводились ввиду решительного нежелания хозяев участка.

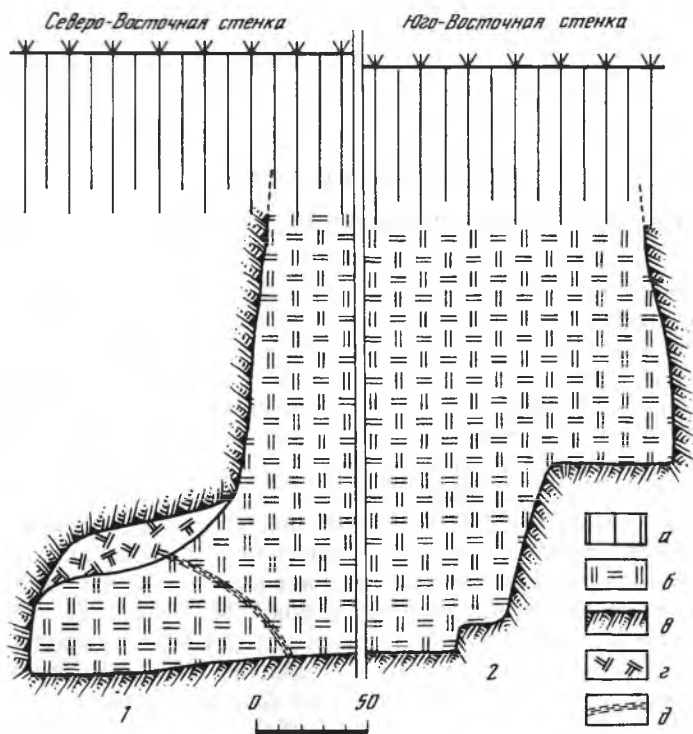

Рис. 1. Профили стенок ямы. 1 – северо-восточная стенка; 2 – юго-восточная стенка: а – чернозем; б – засыпка могильной ямы; в – материк; г – обрушившийся свод подбоя; д – древесный тлен

К моменту приезда сотрудников музея весь погребальный инвентарь был поднят наверх и сложен в общую кучу, а кости и череп погребенной² были перезахоронены хозяйкой участка вдали от дачи. Часть погребального инвентаря сотрудники музея обнаружили при осмотре отвалов земли возле погребка и в местах ее вывоза. В результате предпринятых мер удалось собрать почти полностью погребальный инвентарь захоронения, описание которого приводится ниже.

1. Односпиральные височные кольца (6 экз.). Изготовлены из бронзовой проволоки круглого сечения диаметром 0,2–0,25 см, согнутой в виде круга диаметром 6,0–7,0 см. Свободный конец несколько утолщен до 0,3 см. На противоположном конце проволока закручена в спираль на 4–6 оборотов. У четырех из шести височных колец участок, примыкающий к спиральным завиткам на протяжении 3,5–4,0 см, обмотан тонкой бронзовой полоской (рис. 2, 2). Аналогичные височные кольца встречены в Мартыновском, Новоодесском и Малоржавецком кладах (Рыбаков Б.А., 1953, с. 69, рис. 13, с. 75, рис. 16, с. 81, рис. 18; Приходнюк О.М. и др. 1993, с. 271, рис. 6, 23).

2. Шейная проволочная гривна диаметром 18,5–19,0 см, изготовлена из круглой в сечении бронзовой проволоки диаметром 0,5 см, утончающейся к концам до 0,25 см. Один конец отогнут и образует крючок, другой загнут в петлю. Недалеко от крючка гривна украшена намотанной в три витка бронзовой полоской (рис. 2, 3). Подобные гривны широко представлены в I-й группе антских кладов, выделенной О.А. Щегловой (Щеглова О.А., 1990, с. 176).

3. Фрагменты аналогичной гривны (рис. 2, 4, 5).

² По определению научного сотрудника Сектора антропологии Института археологии АН Украины Т. Рудич, погребение принадлежало женщине 25–30 лет. Череп погребенной мезокранный, средних размеров, с низким сводом, среднеширокими лицом и носом (по абсолютным размерам).

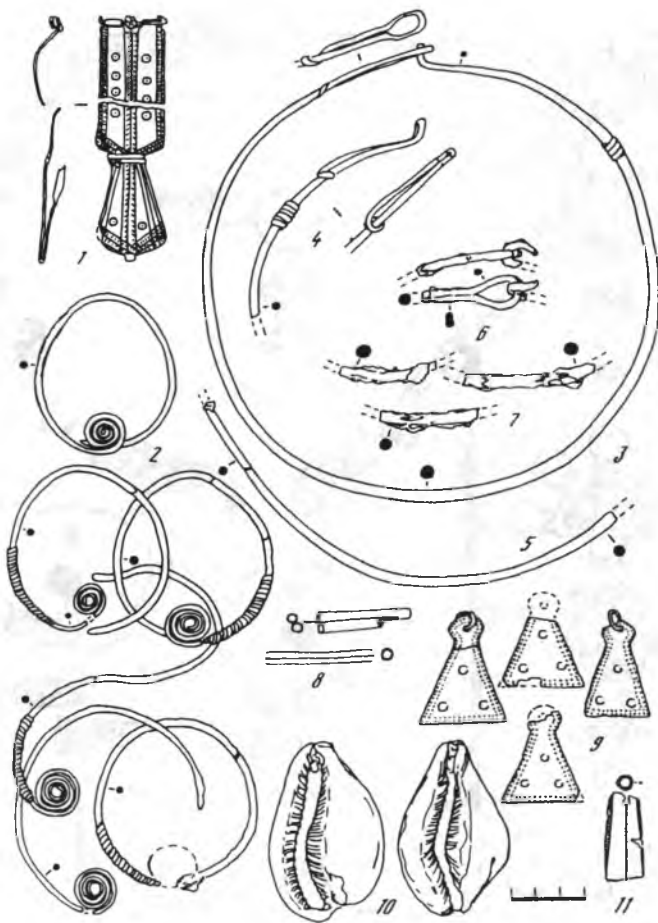

Рис. 2. Находки из погребения у с. Мохнач. 1-5, 8, 9, 11 – бронза; 6, 7 – железо; 10 – раковины

4. Фрагменты проволочной гривны, изготовленной из круглой в сечении железной проволоки, диаметром 0,5 см, утончающейся к концам до 0,3 см. Один конец гривны был отогнут и выполнял роль крючка, другой загнут в петлю (рис. 2, 6, 7).

5. Литые бронзовые пальчатые фибулы "днепровского" типа, украшенные циркульным орнаментом, длиной 13,4 см (2 экз) (рис. 3, 1, 2). Фибулы подобного типа довольно широко представлены в памятниках V–VII вв. н.э. юга Восточной Европы (Ляпушкин И.И., 1961, с. 184), а наиболее типологически близки данным фибулам являются фибулы из Колосковского клада (Ляпушкин И.И., 1961, с. 185, рис. 87).

6. Бронзовая широкопластинчатая подвзятая шарнирная фибула. Фибула имеет прогнутую пластинчатую спинку, подтрапецевидную ножку, украшенные по периметру и центру композицией из прочерченных параллельных линий, пространство между которыми заполнено косыми насечками. По обе стороны от центральной оси фибулы размещены солярные знаки (круг с точкой в центре) – восемь на спинке, две на ножке (рис. 2, 1). Данная фибула относится к локальной серии фибул, большинство из которых происходит из памятников Днепровского лесостепного Левобережья. Близкие фибулы встречены в Колосковском, Козловском, Гапоновском кладах, а также найдены как отдельные находки на поселениях у с. Новая Одесса, хут. Волошское. с. Сурская Забора, на о-ве Кизелевый (Горюнов Е.А., Казанский А.М., 1978,

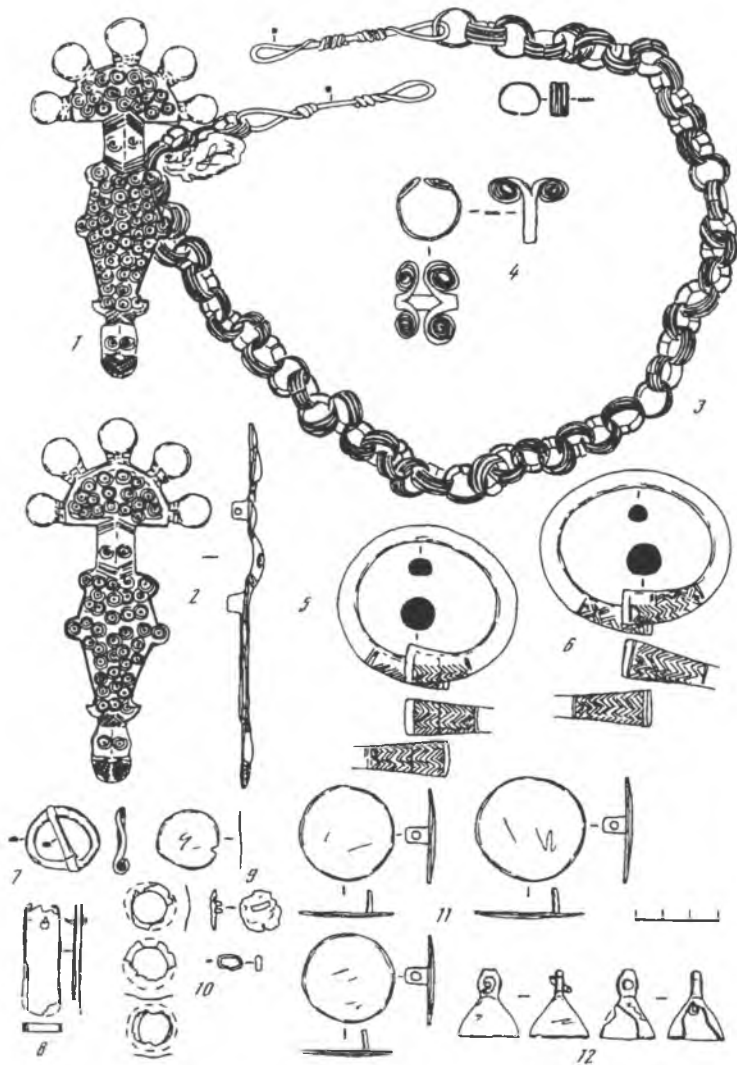

Рис. 3. Находки из погребения у с. Мохнач. 1-12 – бронза

с. 25; Кухаренко Ю.В., 1959, с. 144, рис. 60, 1, 2, 4, 7; Высотская Т.Н., 1994, с. 139, рис. 3, 4; Гавритухин И.О., Обломский А.И., 1995, с. 139, 145).

7. Нагрудная цепь длиной 60 см. Звенья цепи изготовлены из согнутых в кольцо бронзовых полосок, украшенных по внешней поверхности четырьмя гребнями (55 звеньев). Концы цепи снабжены специальными восьмерковидными петлями длиной 7,5 см, изготовленными из бронзовой проволоки круглого сечения диаметром 0,2 см (рис. 3, 3) (Рыбаков Б.А., 1953, с. 69, рис. 13). Ближайшей аналогией данному украшению является цепь из Новоодецкого клада. Орнаментация на внешней стороне звеньев цепи из Мохнача, возможно, имитирует проволочную навивку. Подобная цепочка происходит также из жилища № 1 поселения Выбли киевской культуры (Терилковский Р.Б., 1984, с. 100, табл. 7, 4).

8. Трапециевидные подвески с полукруглой верхней частью (4 экз.). Их высота 4.0-

4,4 см, ширина основания 2,8–3,5 см. По периметру подвески украшены двумя рядами точечного выпуклого орнамента, в свободном поле подвесок расположено по три выпуклины диаметром 0,3–0,4 см (рис. 2, 9). Ближайшие аналогии происходят из Новоодесского и Козиевского кладов (Рыбаков Б.А., 1953, с. 69, рис. 13; Щеглова О.А., 1990, с. 198, рис. 7, 6).

9. Крупные морские раковины с отверстиями для подвешивания (2 экз.). Одна сохранившаяся полностью "сугаеа tigris", вторая с разрушенной спинкой, предположительно "сугаеа agabica". Раковины семейства ципреи представлены в памятниках раннесредневекового времени в большинстве случаев раковинами "сугаеа monetae" и "сиргеа pontifeginae" (Федоров Г.Б., 1960, с. 174). Близкие по внешнему виду и размерам мохначским раковины известны только по материалам ряда черняховских могильников (Березовец Д.Г., Петров В.П., 1960, с. 94; Винокур И.С., 1979, с. 120, рис. 14, 8; Сымонович Э.А., 1960, с. 235, табл. XV, 73; 1979, с. 67, рис. 3, 25; Федоров Г.Б., 1960, с. 312, рис. 17, 3). Но в черняховской культуре неизвестны случаи их парного положения в могилу.

10. Бронзовые литые круглые слегка выпуклые бляхи-пуговицы диаметром 3,5–3,8 см с прямоугольной петелькой на обратной стороне (3 экз.). Петелька расположена перпендикулярно к бляхе и смещена от центра (рис. 3, 11). Ближайшие аналогии представлены бляхами из Гапоновского клада (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 139, рис. 3, 3). Аналогичные по назначению предметы известны в Мартыновском клада (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 270, рис. 5, 14, 16, 17), а также встречены на могильнике № 2 у с. Великая Андрусовка (Березовец Д.Т., 1969, с. 66, рис. 2, 3).

11. Бронзовые конические колокольчики с внутренней петлей для подвешивания язычка (6 экз.) (рис. 3, 12). Подобные колокольчики широко представлены в ряде античных кладов (Козиевский, Новоодесский, Суджанский, Гапоновский) (Рыбаков Б.А., 1949, с. 69, рис. 13; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 39, рис. 3, 6, 7).

12. Трапецевидная бронзовая подвеска с чеканным орнаментом по краям и центру (рис. 2, 11). Аналоги известны в кладах из Суджи, Хацки, Гапоново (Рыбаков Б.А., 1949, с. 55, рис. 7а, с. 64, рис. 11; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 139, рис. 3, 2).

13. Полые трубочки-пронизки (не менее 25 экз.) диаметром 0,5 см, свернутые из бронзового листа толщиной 0,05 мм (рис. 2, 8). Аналогичные подвески известны в Козиевском, Новоодесском, Хацковском, Гапоновском кладах (Рыбаков Б.А., 1949, с. 66, 67; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 138, рис. 2, 12).

14. Перстень со спиралевидным щитком, изготовлен из бронзовой полосы шириной 0,5 и толщиной 0,1 см (рис. 3, 4). Перстень аналогичного типа происходит с поселения Сушки (Славяне..., 1989, с. 248, рис. 51, 23).

15. Сегменторамчатая безщитковая бронзовая пряжка (рис. 3, 7). Пряжки подобного типа имеют широкие хронологические рамки и огромный ареал распространения (Ковалевская В.Б., 1979, с. 15, табл. 1, 1).

16. Круглая штампованная бронзовая бляшка диаметром 2,2 см (рис. 3, 9).

17. Круглые бронзовые штампованные бляшки диаметром 1,8 см (4 экз.). Обратная сторона бляшек вогнутая, заполнена массой свинцовистого цвета с запрессованной в ней бронзовой скобообразной пластинчатой петелькой (рис. 3, 10). Аналогичные бляшки известны в Мартыновском клада (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 266, рис. 1, 11–13).

18. Бронзовый наконечник пояса коробчатой формы длиной 4,0 см, шириной 1,5, и толщиной 0,3 см (рис. 3, 8). Подобные наконечники характерны для памятников степного круга (Славяне..., 1989, с. 329, рис. 67, 8), встречены они также в кладах из Мартыновки и Хацков (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 268, рис. 2, 4; Рыбаков Б.А., 1953, с. 55, рис. 7а).

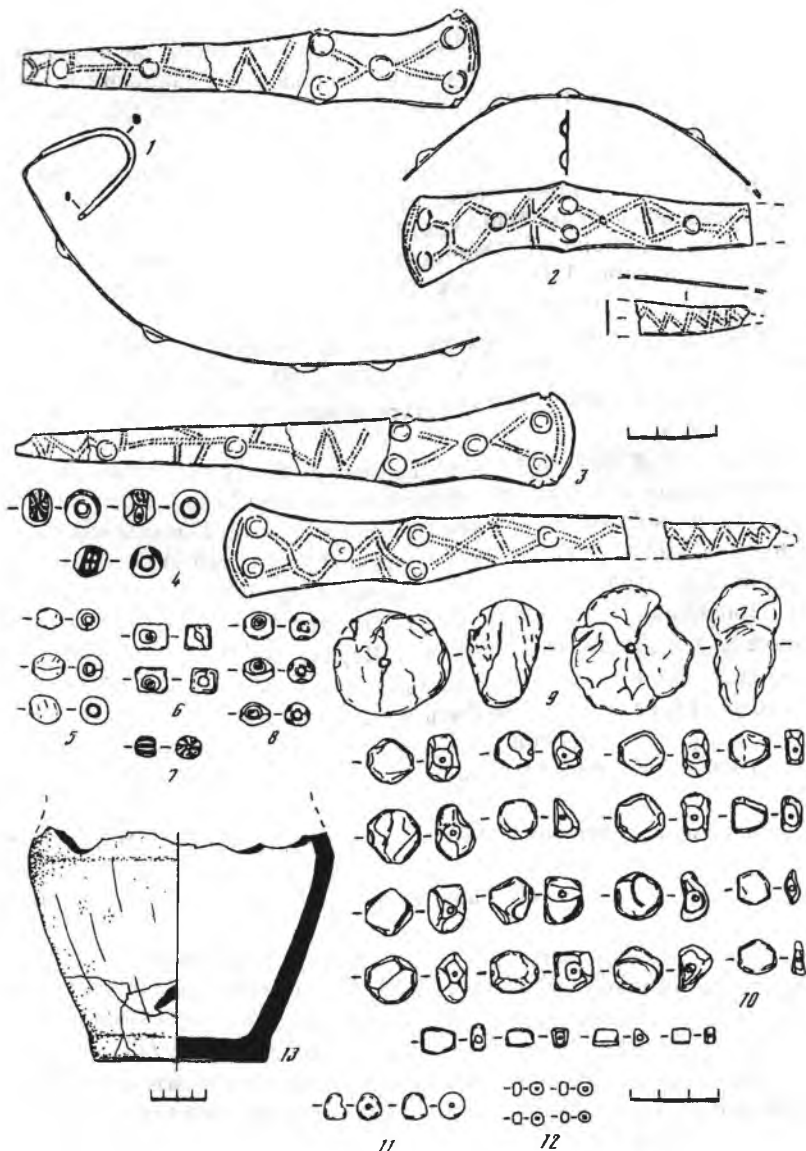

Рис. 4. Находки из погребения у с. Мохнач. 1-3 – бронза; 4-8, 12 – стекло; 9, 10 – янтарь; 11 – роговик; 13 – глина

19. Бронзовые массивные браслеты с расширяющимися и заходящими друг за друга концами (2 экз.). Размеры браслетов 6,5–6,9 см. Толщина браслетов в средней части 0,7–0,8 см, толщина на концах 1,2–1,3 см. Концы браслетов с внешней стороны украшены насечкой из параллельных линий, образующих елочный орнамент (рис. 3, 5, 6). Подобные браслеты в материалах пеньковской, пражской культур представлены достаточно широко (Баран В.Д., 1988, с. 21, рис. 12, 11; Терпиловский Р.В., 1984, с. 103, табл. 10, 1; Славяне..., 1989, с. 241, рис. 48, 20).

20. Крупные лепешковидные янтарные бусины диаметром 4–4,5 см (2 экз.) (рис. 4, 9).

21. Слабообработанные уплощенноромбической формы янтарные бусины среднего и мелкого размера (115 экз.) (рис. 4, 10). Подобные бусины характерны для крымских

и причерноморско-кавказских могильников VI–VII вв. н.э. (Деопик В.Б., 1961, с. 201, табл. 1; 1963, с. 142). По количеству янтарных бус в погребении мохначский комплекс может быть сравним с наиболее богатыми захоронениями могильников Суук-Су (погр. № 68) (Репников Н.И., 1906, с. 21, 22). На территории Днепровского лесостепного Левобережья, подобные янтарные бусы встречены в Суджанском и Гапоновском кладах (Рыбаков Б.А., 1949, с. 81; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 140, рис. 4, 9–11).

22. Шарообразные бусины из роговика (2 экз.) (рис. 4, 11).

23. Бисер темно-синего цвета (19 экз.) (рис. 4, 12).

24. Эллипсоидные бусины красно-кирпичного цвета (11 экз.) (рис. 4, 5).

Аналогичные бусы встречены в захоронениях раннего слоя Суук-Су (Репников И.И., 1906, табл. II, 35), одна бусина обнаружена в слое VI–VII вв. н.э. на Зимновском городище (Аулих В.В., 1972, с. 83).

25. Граненные пастовые бусины черного цвета с глазками черно-желто-красного цвета (по одному на каждой грани) (6 экз.), четко прослеживается шов (след сварки) (рис. 4, 6). Типологически близкие бусы найдены в Суджанском кладе (Рыбаков Б.А., 1949, с. 81).

26. Пластовая полосатая желто-зеленая бусина бочковидной формы (рис. 4, 7).

27. Эллипсоидные глазчатые пастовые бусины зеленого цвета с зелено-желто-красными глазками (по три на бусине) (6 экз.). На некоторых бусинах глазки отслоились, были утеряны, но площадки от выпавших глазков заметны довольно хорошо (рис. 4, 8).

28. Шарообразные мозаичные пастовые бусы (3 экз.) (рис. 4, 4).

29. Фигурная слабоизогнутая бронзовая пластина с проволочной петлей на одном из концов. Пластина от конца с петлей постепенно расширяется до 2,6 см, далее плавно сужается до 2,2 см и снова расширяется до 3,4 см. Толщина пластины 0,1 см. Поверхность пластины украшена семью выпуклинами диаметром 0,8 см, пространство между которыми покрыто мелкими насечками, образующими сложный зигзагообразный орнамент (рис. 4, 1), который, возможно, несет семантическую нагрузку.

30. Фрагменты аналогичной пластины, орнамент которой несколько отличается от орнамента вышеописанной пластины (рис. 4, 2). По всей видимости, данные пластины составляли часть головного украшения типа венца, а их петлеобразные концы предназначались для подвешивания височных колец. Конструкцию головного убора в целом восстановить не представляется возможным, но принадлежность пластин к головному убору подтверждается тем, что между височными костями черепа через лобную кость проходит полоса окислов, по своим размерам полностью соответствующая размерам пластины. Типологически близкая пластина, но принятая за фрагмент шейной гривны, происходит из Мартыновского клада (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 269, рис. 4, 9).

31. Фрагмент глиняного горшка (рис. 4, 13). Сохранились только дно и половина придонной части до наибольшего расширения тулова. Однако все изломы на фрагментах имеют свежий характер и, скорее всего, в захоронении находился целый горшок, который был не замечен рабочими, разбит и большей частью выброшен в отвал. Предпринятые усилия по списку недостающих фрагментов горшка оказались тщетными. Диаметр дна сосуда 12,2 см, диаметр наибольшего расширения тулова 21,3, высота придонной части 14,3, толщина дна 1,4–1,6, толщина стенок в придонной части 0,9–1,0, верхней части тулова 0,7–0,8 см. Дно горшка вогнуто и имеет небольшую закраину. Нижняя часть тулова слегка выпукла и отделена от верхней части сосуда посредством слабовыраженного ребра. Сосуд изготовлен с использованием техники ручной лепки без применения гончарного круга. В качестве примеси использовались песок и шамот. Поверхность горшка слегка заглажена снаружи и внутри пучками травы. Местами поверхность бугристая, иногда проступают крупные зерна шамота. Цвет поверхности горшка неоднородный: снаружи сосуд покрыт пятнами серого,

Рис. 5. Реконструкция женского костюма по материалам погребения (художник Ю.Е. Титинюк)

светло-бурого или желтого цветов, внутри имеется нагар черного цвета, что свидетельствует о возможном разведении огня внутри горшка. В изломе горшок трехцветный: красно-бурого, черного, светло-бурого цветов. По составу теста, технологии изготовления и внешнему виду данный сосуд полностью соответствует керамике с лесостепных памятников Днепро-Донецкого междуречья V–VII вв. н.э. Отсутствие верхней части не позволяет отнести данный сосуд к конкретному типу.

Реконструкции женских уборов, предложенные рядом исследователей (Рыбаков Б.А., 1953, с. 83; рис. 19; Щеглова О.А., 1990, с. 198, рис. 7), основаны на материалах кладов, состав которых мог как дублировать отдельные категории вещей, так и не содержать ряд важных элементов убора, клады не могут дать достаточно достоверного представления о полном наборе украшений, имевшем место в реальной жизни, и о количественном соотношении предметов, используемых в традиционном наряде. Несмотря на отсутствие фиксации размещения погребального инвентаря в захоронении из Мохнача *in situ*, мы впервые имеем полный состав украшений, представляющий комплект одного наряда, что позволяет предположить нам его реконструкцию (рис. 5). Данный наряд вряд ли имел повседневный характер и, вероятно, использовался только в исключительных случаях, связанных с пограничными моментами жизни человека (рождение, свадьба, похороны). На близость родильных, свадебных и похоронных обрядов неоднократно указывали исследователи (Ермина В.И., 1991). Обычай же хоронить в свадебных одеждах отмечен у многих народов мира. Принадлежность вышеописанных украшений к праздничному наряду, возможно, объясняет редкость таких находок на поселениях и широкую представленность в кладах, где они хранились для будущих брачных или погребальных це-

ремоний. На свадебно-праздничный характер наряда погребений указывает состав инвентаря, состоящий исключительно из предметов, являющихся социальными и возрастными маркерами и выполняющих одновременно функции апотропеев. Особое богатство и разнообразие украшений, по данным этнографии, характерны для наряда девушки-невесты и замужней женщины до рождения первого ребенка (Сабурова М.А., 1988, с. 266, 267). Возможно, пара морских раковин, подвешенная на груди, является именно тем репером, благодаря которому отличали замужнюю, но еще не рожавшую женщину от находившейся на более высоком социально значимом уровне женщины-матери. Для костюма последней, предположительно, характерно нагрудное украшение в виде пары умбоновидных подвесок (Лучистое, склеп 54, погр. 20) (Айбабин А.И., 1990, с. 235, рис. 56). Умбоновидные бляхи (семантический смысл: умбан – щит – защита, охрана, сохранение) при их расположении на груди были призваны оберегать значимую часть тела женщины-матери – грудь (сосок, материнское молоко).

Датировка рассматриваемого комплекса, как это видно из предложенных аналогий, находится в плоскости решения вопроса о датировке I группы кладов "древностей антов" (Мартыновского, Козиевского, Колосковского, Сужданского, Новоодесского и др.). Время закрытия кладов определяется исследователями неоднозначно: от второй половины VI до начала VIII в. н.э. Из всей совокупности инвентаря мохначского погребения наиболее чутким хронологическим показателем являются фибулы, тогда как хронология некоторых вещей неразработана, а другие имеют слишком широкие хронологические рамки. Датировка представленных в погребении пальчатых фибул является предметом острых дискуссий. Ее определяют в рамках второй половины VI – первой половины VII в. н.э. по материалам Суук-Су (Пудовин В.К., 1961, с. 184; Werner I., 1950, S. 164), что до недавнего времени считалось общепризнанным. В последнее время наметилась тенденция к омоложению (по материалам Крыма) данной категории вещей. Так, А.К. Амброз счел возможным отнести существование пальчатых фибул ко второй половине VII в. н.э. (Амброз А.К., 1988, с. 11), А.И. Айбабин датирует время их бытования в Крыму второй четвертью – концом VII в. н.э. (Айбабин А.И., 1988, с. 8). Учитывая тот факт, что днепровские фибулы попали в Юго-Западный Крым в уже сложившемся виде и употреблялись здесь совсем недолго (Амброз А.К., 1988, с. 9), логично предположить как более раннее их появление, так и более длительное их бытование в лесостепном Поднепровье. Поэтому к переносу хронологии пальчатых фибул днепровского типа из могильников Крыма непосредственно на материалы с памятников пеньковской культуры необходимо подходить осторожно. Хронологические рамки существования широкопластинчатых подвязных шарнирных фибул, вызывают меньше споров. Время появления данного типа фибул в Среднем Поднепровье относится исследователями к началу VII в. н.э., а их употребление продолжалось до VIII в. н.э. (Горюнов Е.А., Казанский М.М., 1978, с. 29; Кухаренко Ю.В., 1959, с. 145). Все вышесказанное при наличии в погребальном инвентаре вещей, характерных для более раннего времени (перстень со спиралевидным щитком, наконечник пояса коробчатого типа, безщитковая поясная пряжка, морские раковины, браслеты с сильно расширяющимися и заходящими друг за друга концами, плохо обработанные янтарные бусы), позволяет датировать захоронение у с. Мохнач в рамках от VI–VII до середины VII в. н.э.

Опираясь материалами одного, пусть даже очень яркого погребения, весьма рискованно делать выводы, касающиеся этнокультурной принадлежности той или иной группы памятников. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что в трупосожжениях, относимых к пеньковской культуре, погребальный инвентарь очень беден (Приходнюк О.М., 1980, с. 78), а вещи, аналогичные вышеописанным, известны только по единичным находкам на поселениях,кладам и, как ни странно, погребениям, совершенным по обряду ингумации (Авенариус Н.П., 1896, с. 184; Бобринский А.А., 1894, с. 29, 118, 149; Данилевич Е.А., 1905, с. 428; Рафалович И.А., 1973а, с. 25; 1973б, с. 141–143; Рафалович И.А., Лапушнян В.Л., 1974, с. 138; Рыбаков Б.А., 1953, с. 76,

прим. 1). Все это наводит на мысль, что данные наборы украшений характерны, по-видимому, для узкого социального слоя населения, этнически неоднородного по своему составу, как это было почти повсюду в эпоху раннего средневековья с ее массовыми миграциями и смешением населения. Поэтому, если со славянским населением традиционно связывают погребальные памятники по обряду кремации, то захоронения по обряду ингумации (как курганные, так и бескурганные) в зоне распространения пеньковской культуры и с вещами пеньковского круга указывают на наличие в пеньковской культуре этнически иного компонента. Таким компонентом могли быть, если судить по захоронению у с. Мохнач, сармато-аланские племена. Конструкция погребального сооружения в виде подбоя, юго-западная ориентировка погребенного – достаточно часто встречаемые элементы погребального обряда в памятниках поздних сарматов. Да и в инвентаре погребения из Мохнача имеются вещи, уходящие своими корнями в сармато-аланскую среду. Это перстень со спиралевидным щитком (Степи..., 1989, с. 360, табл. 59, 32), браслеты с утолщенными концами (Вірлич А.Е., 1965, с. 117, 118), поясная безщитковая пряжка (Амброз А.К., 1971, с. 101, рис. 2, 2). Некоторые исследователи считают сармато-аланской традицией ношение пары одинаковых фибул (Кишш А., 1995, с. 85). Довольно часто в поздне-сарматских захоронениях встречаются выполняющие роль оберегов морские и речные раковины (Высотская Т.Н., 1994, с. 136). На значительную роль в создании пеньковской культуры сармато-аланского населения указывали такие исследователи, как М.И. Артамонов, И.П. Русанова, В.В. Седов (Артамонов М.И., 1969, с. 8; Русанова И.П., 1976, с. 111, 112; Седов В.В., 1990, с. 177). Это мнение из-за недостаточного количества материалов не получило широкого признания. Если принять во внимание доказанность участия сарматского элемента в формировании черняховской культуры (Баран В.Д., 1981, с. 158), то факт присутствия иранского этноса в лесостепи покажется не таким уж нереальным. Подтверждением этого служат находки производственных комплексов типа Канцирка, которые вполне обоснованно связывают с сармато-аланами (Мінаева Т.М., 1961).

Таким образом, мы получили еще один факт, который свидетельствует о более глубоко, чем это считалось ранее, проникновении сармато-аланских элементов культуры в среду славянского населения. Несмотря на длительное совместное проживание, единую политическую историю (учитывая и время существования черняховской культуры), сармато-аланский компонент не до конца еще растворился в иноэтничной среде, на что и указывают отдельные черты погребального обряда захоронения у с. Мохнач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авенариус Н.П., 1896. Поставмукские курганы // Зап. Русского археологического о-ва. VIII. Вып. 1–2. СПб.
- Айбабин А.И., 1998. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Тр. V МКАС. Т. 4. Киев.
- Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеиримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.
- Амброз А.К., 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и руси. М.
- Артамонов М.И., 1969. Этническата принадлежност историческата значение на пастирската култура // Археология. № 3.
- Ауліх В.В., 1972. Зимнівське городище. Київ.
- Баран В.Д., 1981. Черняхівська культура. Київ.
- Баран В.Д., 1988. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев.
- Березовець Д.Т., 1969. Могильники уличів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ.

- Березовец Д.Г., Петров В.П., 1960.* Лохвицкий могильник // МИА. № 82.
- Бобринский А.А., 1984.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб.
- Винокур И.С., 1979.* Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.
- Вірлич А.Е., 1965.* Сарматське поховання в Білозерському районі Херсонської області // Археологія. Вип. 15.
- Высотская Т.Н., 1994.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995.* Гапоновский клад (предварительная публикация) // РА. № 4.
- Горюнов Е.А., Казанский М.М., 1978.* О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. Вып. 155.
- Данилевич Е.А., 1905.* Раскопки курганов около с. Буды и х. Березовки Ахтырского уезда Харьковской губернии // Тр. XII АС. Т. 1. СПб.
- Деоник В.Б., 1961.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3.
- Деоник В.Б., 1963.* Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. № 114.
- Еремина В.И., 1991.* Ритуал и фольклор. Л.
- Кишиш А., 1995.* Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // *Alanica III.* Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Ковалевская В.Б., 1979.* Поясные наборы Евразии VI–IX вв. Пряжки. // САИ. Е1–2. М.
- Кухаренко Ю.В., 1959.* Широкопластинчатые фибулы // КСИИМК. Вып. 74.
- Ляпушкин И.И., 1961.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. № 104.
- Мінаєва Т.М., 1961.* Кераміка балки Канцерки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. Т. 13.
- Приходнюк О.М., 1980.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ.
- Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А., 1993.* Мартыновский клад // МАИЭТ. Т. III. Симферополь.
- Пудовин В.К., 1961.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. № 1.
- Рафалович И.А., 1973а.* Исследования раннеславянских поселений в Молдавии // Археологические исследования в Молдавии в 1970–1971 гг. Кишинев.
- Рафалович И.А., 1973б.* Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев.
- Рафалович И.А., Лапушнян В.Л., 1974.* Работы Реутской археологической экспедиции // Археологические исследования в Молдавии (1972 г.). Кишинев.
- Репников Н.И., 1906.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. Вып. 19.
- Русанов И.П., 1976.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.
- Рыбаков Б.А., 1949.* Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. XXVII.
- Рыбаков Б.А., 1953.* Древние Русы // СА. Т. XVII.
- Сабурова М.А., 1988.* Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и руси. М.
- Седов В.В., 1990.* Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1989.* М.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989.* М.
- Сымонович Э.А., 1960.* Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // МИА. № 82.
- Сымонович Э.А., 1979.* Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры. М.
- Терпиловский Р.В., 1984.* Ранние славяне Подвесенья III–V вв. н.э. Киев.
- Федоров Г.Б., 1960.* Малаештский могильник (памятник черняховской культуры в бассейне реки Прут) // МИА. № 82.
- Щеглов О.А., 1990.* О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
- Werner I., 1950.* Slawische Bugelfibel des 7. Jahrhunderts // *Reihecke Festschrift.* Mainz.

V.S. AKSENOV, L.I. BABENKO

**BURIAL OF THE 6th-7th CENTURIES AD NEAR
THE VILLAGE MOKHNACH**

S u m m a r y

The paper introduces materials on the burial dating to the 6th-7th century AD found near the village Mokhnach of the Kharkov region. The burial was made in a pit with a special niche at a depth of 2.70 m and was rich with funeral goods (more than 20 items): lock rings, collar neck-rings, finger and wide lamella fibulas, a chest chain, marine shells, pendants, bells, badges, a buckle, a belt head, bracelets, a fingering, glass and amber beads (117 samples of amber beads), a body ornament in the form of a couple of bronze plates with a concave loop, a clay pot etc. The appearance of the dead is being reconstructed now. Based on the developed chronology of fibulas, the dating of the burial is established: the turn of the 6th – the 7th – the middle of the 7th centuries AD. Specific traits of the burial design, southernwestern orientation as well as certain objects of the burial goods show that the burial belongs to the Sarmatian-Alan tribes that were one of ethnic components of the Penkovo culture.